

Ходынская-Голенищева М. С. Сирия в системе региональной безопасности в 2000—2011 годах / М. С. Ходынская-Голенищева, М. А. Сапронова // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 381—391. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-381-391.

Khodynskaya-Golenichsheva, M. S., Sapronova, M. A. (2017). Syria in Regional Security System in 2000—2011. *Nauchnyy dialog*, 12: 381-391. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-381-391. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94:327(569.1)“2000/2011”

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-381-391

Сирия в системе региональной безопасности в 2000—2011 годах

© Ходынская-Голенищева Мария Сергеевна (2017), orcid.org/0000-0001-7099-5697, кандидат исторических наук, сотрудник, Постоянное представительство Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве (Женева, Швейцария), khodynskaya_m@mail.ru.

© Сапронова Марина Анатольевна (2017), orcid.org/0000-0002-4241-2156, SPIN-code 9450-6103, доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, профессор кафедры востоковедения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), m.sapronova@inno.mgimo.ru.

Рассматривается вопрос о роли Сирии в системе региональной безопасности в 2000—2011 годах. Особое внимание уделяется приходу к власти Б. Асада, ознаменованному попытками смягчить конфронтацию Сирии с региональными и внерегиональными державами при одновременном выстраивании гибкой системы ситуативных союзов. Актуальность исследования обусловлена тем, что самостоятельная внешняя политика Сирии вызывала негативную реакцию США, которые в период правления Дж. Буша-младшего стремились утвердить доктрину американского лидерства в ряде регионов мира. Доказано, что обострению противоречий с США и Израилем объективно способствовала Вторая Интифада, поскольку Дамаск традиционно выступал в поддержку борьбы палестинского народа за национальное самоопределение. Особое внимание уделяется тому, что Сирия совершила «поворот на Восток», стала налаживать отношения с Ираном, Россией. Новизна исследования видится в том, что показаны причины бескомпромиссного отношения Запада к судьбе сирийского политического режима в условиях гражданской войны в стране, заключающиеся в том, что правительство Б. Асада усилило конфронтацию с Западом.

Ключевые слова: Сирия; сирийский кризис; Ближний Восток; Башар Асад; баландирование; внешняя политика.

1. Введение

Рубеж XX—XXI веков оказался переломным моментом для истории Сирии. В 2000 году после смерти президента Хафеза Асада страну возглавил его 34-летний сын Башар. Молодому президенту удалось достичь передачи власти неконфронтационным путем во многом благодаря поддержке его кандидатуры со стороны армии и партийно-бюрократической элиты Сирийской Арабской Республики (САР). Для этого имелись и некоторые «семейные» основания: в момент смерти Х. Асада его сыновья Башар (преемник) и Махер командовали подразделениями Республиканской гвардии — элитного вида войск, размещавшегося в столице. Кроме того, зять Х. Асада генерал-майор Асеф Шавкат занимал один из ключевых постов в военной разведке. К 2000 году двоюродный брат будущего президента Реми Маклуф был одним из крупнейших бизнесменов страны, контролировал в числе прочего транспортную отрасль. Иными словами, в таких условиях и с учетом нескольких лет пропагандистской кампании в пользу преемника президента передача власти кому-либо не из семьи Асадов была для соратников Х. Асада маловероятной.

Новый глава Сирии выступил с идеями ограниченной либерализации, прежде всего, в социально-экономической сфере. Вполне логично, что Б. Асада сначала намеревался провести реформы экономического характера, а уже потом — политического. Против изменений негласно выступал брат президента Махер, который находил поддержку у части соратников отца (вероятно, даже у министра обороны Мустафы Таласа).

В наследство Б. Асаду досталось жестко централизованное государство с авторитарной практикой руководства, модернизация которого требовала больших усилий. Перед президентом встали вопросы о том, как органично провести либерализацию, при этом укрепив национальную экономику и сохранив контроль над властью, как избежать столкновения с представителями консервативного движения, в первую очередь в армейской среде, которые стали предпринимать попытки затормозить ход реформ [Пареньков, 2016].

Успех реформ прямо зависел от отсутствия внешних дестабилизирующих факторов, в том числе конфликтов с соседними государствами и крупными региональными и глобальными игроками. Но процессы социально-экономической либерализации и политической демократизации в стране происходили в необычных условиях: шаткой внутривосточной

стабильности и внешней турбулентности, переходного характера власти правящих элит и сохраняющейся угрозы военных конфликтов в регионе [Ахмедов, 2005, с. 13].

Придя к власти в 2000 году и намечая пути проведения преобразований, Б. Асад был вынужден считаться с региональной расстановкой сил, да и с внешними условиями в целом. Сирия в то время находилась между оккупированным американцами с 2003 года Ираком и проамериканским Израилем [Щенников, 2004, с. 54]. Напряженность на международной арене усиливалась. Сирию обвиняли в поддержке режима С. Хусейна, хранении части его оружия массового уничтожения. На фоне господства идеи об «экспорте демократии» Сирия вполне могла рассматривать многие действия Вашингтона исключительно сквозь призму угрозы. С учетом того, что режим в Ираке пал достаточно быстро, укрепление военного потенциала было неизбежным, хотя это и провоцировало дальнейшую нервную реакцию США и их союзников.

2. Сирийская стратегия «с вами и против вас»

В связи с укреплением позиций США в регионе Ближнего и Среднего Востока, и, в частности, с присутствием в пограничном Ираке американских войск, возрастали риски для самой Сирии, ее внутренней стабильности и безопасности перед лицом внешних вызовов. Официальный Дамаск прибег к двойственной стратегии «с вами и против вас», заключавшейся в осуждении мирового терроризма и готовности оказывать помощь в борьбе с ним, однако при сохранении права на собственную позицию по региональным проблемам (палестино-израильское урегулирование, роль Ирана и так далее).

Практически сразу после инаугурации Б. Асада потерпел неудачу Кэмп-Дэвидский израильско-американо-палестинский саммит, началась палестинская интифада «Аль-Акса», в 2001 году произошел теракт 11 сентября, а еще через два года мир стал свидетелем начала войны в Ираке, последствия которой представляли непосредственную угрозу внутренней безопасности Сирии. В таких условиях перед официальным Дамаском стояла задача формирования системы гибких альянсов и ситуативных договоренностей, которые бы смягчили эффект от возможных недружественных действий США. Одной из сопутствующих целей контактов на высшем уровне стало создание заслона для дальнейшего распространения американского присутствия в регионе, изменения Вашингтоном расстановки сил на Ближнем Востоке в свою пользу. Для этого нужно было искать новых союзников, коими могли стать арабские страны, а также такие крупные ближневосточные игроки, как Иран и Турция.

Даже самые первые независимые шаги Б. Асада на международной арене вызвали скептицизм Запада. Причем раздражение США и союзники «выплескивали» на внутреннюю политику, которую проводил сирийский лидер, отмечая «упрямство и абсолютное неприятие инакомыслия» [Has He ..., 2007], якобы присущие президенту САР. Бывший Госсекретарь США К. Райс заявила телеканалу CNN: «У нас имеется увеличивающийся список проблем с Сирией». Британские аналитики писали: «У Сирии сейчас нет друзей, кроме сдержанного неарабского Ирана. США — единственная супердержава, которая сейчас оказалась в соседнем Ираке, — стала относиться к Сирии враждебно. Администрация Буша обвиняет Сирию в поддержке террористических элементов, особенно в Ираке, во вмешательстве во внутренние дела Ливана и в репрессиях против собственного народа» [Syria ..., 2005]. Опаснее всего было даже не обостренное обсуждение сирийско-американских отношений в СМИ, а реальные дискуссии в Пентагоне в 2004 году по поводу возможного ракетного удара по Сирии. Идея американских стратегов состояла в том, чтобы демонстрацией силы убедить Б. Асада следовать курсу администрации Дж. Буша-младшего.

Откровенно неприязненной по отношению к Сирии была политика Израиля, что было обусловлено спором о принадлежности Голанских высот и водного сектора в Тивериадском озере (Галилейском море), активным участием Дамаска во внутривнутриполитических распрях в соседнем Ливане [Морозов, 2012]. Необходимо отметить, что и отношение Б. Асада к Израилю не слишком отличалось от взглядов его отца. Как и Х. Асад, новый президент рассматривал Израиль как превосходящего военного противника, как угрозу для единства арабских наций и как государство, которое, как минимум, частично нелегитимно в силу занятых силовым путем территорий. Этот взгляд укрепился после бомбардировки сирийской радиолокационной станции в 2001 году в Дар-аль-Байдаре.

3. «Поворот на Восток»

В таких условиях естественным выбором для Сирии был условный «поворот на Восток», то есть поиск незападных партнеров. В Европе внимание стало уделяться сотрудничеству с Россией [Zonova и др., 2014], в Азии — с Китаем, на Ближнем и Среднем Востоке — с Турцией, Ираном и арабскими государствами. Укреплению позиций Сирии способствовала не глубина партнерских отношений с данными странами, а скорее диверсифицированная система внешнеполитических контактов, которая однозначно свидетельствовала об отсутствии изоляции, подобной той, которую США пытались организовать в отношении Ирака и затем КНДР.

«Поворот на Восток» означал, помимо прочего, укрепление отношений с соседними странами и нормализацию с теми государствами, отношения с которыми были напряженными. Именно в контексте укрепления региональной роли следует рассматривать такой шаг: 5 марта 2005 года президент САР объявил о начале вывода сирийских войск из Ливана. Кроме того, Б. Асад предпринял усилия по нормализации отношений с Турцией. В 2004—2005 годах состоялся обмен президентскими визитами, целью которых было положить начало формированию новой геополитической ситуации в регионе [Гурьев, 2005]. Сирийские военные надеялись, что сближение с Анкарой позволит в будущем частично перевооружить армию, а скоординированные действия военных ведомств двух стран дадут возможность более эффективно решать такие вопросы, как послевоенное обустройство Ирака и арабо-израильский конфликт. Расчет также делался на то, что взаимодействие между Дамаском и Анкарой — членом НАТО — даст возможность уменьшить уязвимость Сирии на международной арене.

Активность сирийской дипломатии на международной арене демонстрирует число зарубежных визитов Б. Асада. За пять лет правления глава Сирии нанес больше визитов в другие государства, нежели его отец за все время своего правления. Б. Асад посетил все арабские страны (причем Ливан — дважды) и ряд западноевропейских столиц (в 2001—2002 годах — Мадрид, Париж, Берлин, Рим, Лондон), а также Пекин (в июне 2004 года) и Москву (в январе 2005 года).

4. Сотрудничество с Ираном

Активные действия были предприняты и на иранском направлении. Дополнительному сирийско-иранскому сближению способствовала историческая связка государств. Один из примеров: когда в 1986 году иранские войска повели наступление на иракскую Басру, Лига арабских государств оказывала давление на Сирию, чтобы Дамаск осудил захват Ираном арабских земель. Однако сирийцы ограничились чисто декларативным заявлением. Сирия и Иран были едины в осуждении ввода в 1987 году военных кораблей НАТО в Персидский Залив якобы для гарантии свободы судоходства. Сирийская дипломатия также немало сделала в начале 1990-х годов для восстановления ирано-саудовских отношений.

После американской операции в Ираке общая угроза сплотила Иран и Сирию, послужила стимулом для дополнительного укрепления сотрудничества. Сирия осудила антииранские действия США, направленные на ослабление и подрыв исламской государственности в Иране (тогда американские политики заявляли, что Иран представляет собой «прямую

угрозу всему мировому сообществу»). Помимо этого, Сирию и Иран объединяло общее отношение к палестинской проблеме, поддержка Интифады и борьбы палестинского народа. Стороны единодушно выступили в пользу продолжения палестинского «освободительного движения» и договорились наращивать двустороннее сотрудничество для установления стабильности в регионе и совместного противостояния общим угрозам (то есть Израилю и США).

И Дамаск, и Тегеран выступали против раздела Ирака. Так, во время визита Б. Асада в Тегеран в 2005 году и его переговоров с главой Ирана М. Ахмадинежадом стороны поддержали концепцию «независимого и стабильного» иракского государства и объявили о том, что они будут взаимодействовать с целью создания общего фронта противостояния угрозам извне» [Bulent, 2016]. Ни Сирия, ни Иран не хотели, чтобы в Багдаде утвердилась враждебная им власть, и стремились не допустить возникновения независимого курдского государства на севере Ирака [Ахмедов, 2005].

Сирия и Иран также договорились укреплять положение «Хизбаллы» в Ливане и далее превратить ее в крупнейшую политическую шиитскую партию в стране. Это было выгодно и Ирану, который рассматривал Ливан в качестве плацдарма для экспорта идей исламской революции, и Сирии, которая была заинтересована использовать «Хизбаллу» в качестве весомого аргумента в переговорах с Тель-Авивом. Сирия и Иран находились под жестким нажимом США, которые, руководствуясь интересами безопасности Израиля, требовали от руководства двух стран прекратить помощь «Хизбалле». Однако во время визита в Дамаск вице-президента Ирана М. Р. Арефа в 2001 году Б. Асад подтвердил поддержку «Хизбаллы» [Iran and Syria ..., 2002]. В ответ лидер последней Х. Насралла заявил, что его организация поможет Дамаску устоять на основополагающих принципах сирийской политики в регионе, с которых его «пытаются сдвинуть США и Израиль» [Iranian activities ..., 2003].

Б. Асад поддержал Тегеран и в его конфликте с США по ядерной проблематике и присоединился к призывам лидеров некоторых мусульманских стран очистить Ближний и Средний Восток от оружия массового уничтожения (ОМУ), начав этот процесс с Израиля. В целом именно Сирия оставалась основным каналом выхода Тегерана на арабский мир [Кулагина, 1998, с. 62]. Совпадение взглядов и общие стратегические задачи укрепляли Иран в качестве могущественного союзника Б. Асада [Young, 2006]. Общность угроз и трансформация политического облика Ближнего Востока заставляли Сирию и Иран пересматривать позиции в отношении проблем региональной безопасности. Давление, которое оказали США

на руководства обоих государств, стало для них мощным импульсом для наращивания регионального сотрудничества, которое сделало бы эти страны менее уязвимыми по отношению к новым вызовам современности.

5. Складывание «восточного треугольника»

В целом же общность задач, стоявших перед крупными региональными лидерами — Ираном, Сирией и Турцией, способствовала их сближению и координации действий [Ахмедов, 2005]. В начале 2000-х годов аналитики уже стали говорить о перспективах появления «восточного треугольника», который бы воплотил новую, более устойчивую расстановку сил на Ближнем и Среднем Востоке и со временем мог бы стать мощным геополитическим центром, объединяющим потенциал ведущих держав региона. Последние получили бы возможность проводить наступательную линию и коллективно отстаивать свои интересы.

Сирия играла в этих процессах важную роль. В 2000-х годах в результате активных дипломатических действий и независимой внешней политики САР стала представлять собой государство, способное внести особый вклад в выстраивание региональной архитектуры безопасности и занять важное место в новой конфигурации, став связующим звеном между крупными игроками и оказав содействие формированию обновленного политического порядка на Ближнем Востоке.

6. Выводы

Действия сирийского руководства стали раздражать Запад, и в первую очередь, США, которые, выбив из игры одного из региональных лидеров — Ирак, имели собственное видение приоритетного развития событий. Под влиянием израильского лобби и других влиятельных групп интересов [Лошкарёв, 2017] Вашингтон стремился сформировать группу лояльных государств в регионе для «продвижения демократии». Естественно, государства, которые этому противились, становились первоочередными целями критики и недружественной активности США. Шаги Сирии, нацеленные на объединение потенциала региональных держав, шли вразрез с американскими планами. Дамаск встал на пути реализации американской стратегии, и со временем в Вашингтоне начали рассматривать сирийское руководство в качестве одного из основных «препятствий» в продвижении «американских интересов» в регионе. В США понимали, что в случае, если процессы формирования новой расстановки сил на Ближнем и Среднем Востоке не повернуть вспять, Вашингтону через некоторое время придется работать с совершенно новым, в значительной степени консолидирован-

ным регионом, который вряд ли будет готов безусловно подчиняться воле США. Кажется, что именно это в значительной степени определило американскую политику в отношении Сирии и решение Вашингтона в начале 2011 года практически с ходу поддержать антиправительственные силы в этой стране, какой бы «окраски» и степени радикализации они ни были [Антохова, 2016; Касаткин, 2012]. Вывод из игры главного связующего звена в возможной новой региональной конфигурации и воцарение там долгосрочной нестабильности, очевидно, были на руку США, в течение не одного десятилетия отработавшим тактику «разделяй и властвуй».

Источники и принятые сокращения

1. *Has He Got Away With It? President Bashar Assad Seems To Have Won A New Lease On Political Life* [Electronic resource] / The Economist. — 2007. — 4 April. — Access mode : <http://www.economist.com/node/8975381>.
2. *Iran and Syria as Strategic Support for Palestinian Terrorism* [Electronic resource] // Israel Ministry of Foreign Affairs. — 2002. — 30 September. — Access mode : <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/iran/supportterror/pages/iran%20and%20syria%20as%20strategic%20support%20for%20palestina.aspx>.
3. *Iranian activities in support of the Palestinian intifada* [Electronic resource] // Israel Ministry of Foreign Affairs. — 2003. — 30 January. — Access mode : <http://mfa.gov.il/MFA/MFA-Archive/2003/Pages/Iranian%20activities%20in%20support%20of%20the%20Palestinian%20i.aspx>.
4. *Syria. A Lonely Leader Amid Swirling Rumors* [Electronic resource] // The Economist. — 2005. — 1 October. — Access mode : <http://www.democracyinlebanon.org/Documents/CDL-World/Assad-Cornered.htm>.

Литература

1. Антохова Е. А. «Арабская весна» : политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки / Е. А. Антохова // Национальный интерес. — 2016. — Т. 27. — № 3. — С. 147—167.
2. Ахмедов В. М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности / В. М. Ахмедов. — Москва : ИВРАН, 2005. — 189 с.
3. Гурьев А. А. О турецко-сирийских отношениях [Электронный ресурс] / А. А. Гурьев // Институт Ближнего Востока. — 2005. — 17 мая. — Режим доступа : <http://www.iimes.ru/?p=3651>.
4. Касаткин П. И. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке / П. И. Касаткин, И. М. Хрусталева, В. А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 6 (27). — С. 79—93.
5. Кулагина Л. М. Ирано-сирийские отношения на современном этапе / Л. М. Кулагина // Исламская республика Иран в 90-е годы. — Москва : Институт Востоковедения РАН, 1998. — С. 61—70.

6. Лошкарёв И. Д. Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику / И. Д. Лошкарёв // Вестник МГИМО Университета. — 2017. — № 3 (54). — С. 238—248.
7. Морозов В. М. Израиль и средиземноморская безопасность / В. М. Морозов // Международные процессы. — 2012. — Т. 10. — № 30. — С. 91—97.
8. Пареньков Д. А. Сохраняй и властвуй : консерватизм в XXII веке / Д. А. Пареньков // Мир через 100 лет : сборник статей. — Москва : Весь Мир, 2016. — С. 53—58.
9. Щенников В. Ф. Особенности современного этапа развития геополитической ситуации на Ближнем Востоке / В. Ф. Щенников // Аналитические записки. Проблемы Ближнего Востока. — Москва : ИВРАН, 2004. — С. 43—68.
10. Bulent A. Turkey-Iran Relations [Electronic resource] / A. Bulent // Center for American Progress. — 2016. — 11 July. — Access mode : <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2016/07/11/140959/turkey-iran-relations>.
11. Young M. Syria and Iran: The Perils of a Radical Bond [Electronic resource] / M. Young // Ideas in Action with Jim Glassman. — 2006. — 24 January. — Access mode : http://www.ideasinactiontv.com/tcs_daily/2006/01/syria-and-iran-the-perils-of-a-radical-bond.html.
12. Zonova T. Main Vectors of Russia's Foreign Policy (1991—2014) / T. Zonova, R. Reinhardt // Rivista di studi politici internazionali. — 2014. — Vol. 87. — № 4. — P. 501—516.

Syria in Regional Security System in 2000—2011

© **Khodynskaya-Golenichsheva Mariya Sergeyevna (2017)**, orcid.org/0000-0001-7099-5697, PhD in History, member of the Permanent mission of the Russian Federation to the United Nations and other international organizations in Geneva (Geneva, Switzerland), khodynskaya_m@mail.ru.

© **Sapronova Marina Anatolyevna (2017)**, orcid.org/0000-0002-4241-2156, SPIN-code 9450-6103, Doctor of History, professor, professor RAS, professor of Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University of) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia), m.sapronova@inno.mgimo.ru.

Syria's role in regional security in the period of 2000—2011 is discussed. Special attention is paid to the coming to power of Bashar Assad, marked by attempts to soften the confrontation of Syria with regional and extra-regional powers, while simultaneously building a flexible system of situational alliances. The relevance of the study is determined by the fact that an independent foreign policy of Syria have angered the US, which during the presidency of George W. Bush sought to establish a doctrine of American leadership in several regions of the world. It is proved that the aggravation of contradictions with the USA and Israel objectively was promoted by the Second Intifada, since Damascus has traditionally supported the Palestinian people's struggle for national self-determination. Special attention is paid to the fact that Syria made a "turn to the East," was to improve

relations with Iran and Russia. The novelty of the research is seen in the fact that the reasons are shown for the uncompromising attitude of the West towards the fate of the Syrian political regime in the civil war in the country, namely that the government of Bashar Assad has intensified confrontation with the West.

Key words: Syria; Syrian crisis; middle East; Bashar Assad; balancing; foreign policy.

Material resources

- Has He Got Away With It? President Bashar Assad Seems To Have Won A New Lease On Political Life. 2007. In: *The Economist*, 4 April. Available at: <http://www.economist.com/node/8975381>.
- Iran and Syria as Strategic Support for Palestinian Terrorism. 2002. In: *Israel Ministry of Foreign Affairs*, 30 September. Available at: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/iran/supportterror/pages/iran%20and%20syria%20as%20strategic%20support%20for%20palestina.aspx>.
- Iranian activities in support of the Palestinian intifada. 2003. In: *Israel Ministry of Foreign Affairs*, 30 January. Available at: <http://mfa.gov.il/MFA/MFA-Archive/2003/Pages/Iranian%20activities%20in%20support%20of%20the%20Palestinian%20i.aspx>.
- Syria. A Lonely Leader Amid Swirling Rumors. 2005. In: *The Economist*, 1 October. Available at: <http://www.democracyinlebanon.org/Documents/CDL-World/Assad-Cornered.htm>.

References

- Akhmedov, V. M. 2005. *Siriya pri Bashare Asade. Regionalnyy opyt modernizatsii v usloviyakh vneshney nestabilnosti*. Moskva: IVRAN. (In Russ.).
- Antyukhova, E. A. 2016. «Arabskaya vesna»: politicheskiye krizisy i konflikty v gosudarstvakh Blizhnego Vostoka i Severnoy Afriki. *Natsionalni interes*, 27/3: 147—167. (In Russ.).
- Bulent, A. 2016. Turkey-Iran Relations. In: *Center for American Progress*, 11 July. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2016/07/11/140959/turkey-iran-relations>. (In Russ.).
- Guryev, A. A. 2005. O turetsko-siriyskikh otnosheniyakh. In: *Institut Blizhnego Vostoka*, 17 maya. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=3651>. (In Russ.).
- Kasatkin, P. I., Khrustalev, I. M., Avatkov, V. A. 2012. Evrobezopasnost', integratsiya i «myagkaya sila» migratsii v XXI veke. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 6 (27): 79—93. (In Russ.).
- Kulagina, L. M. 1998. Irano-siriyskiye otnosheniya na sovremennom etape. In: *Islamskaya respublika Iran v 90-e gody*. Moskva: Institut Vostokovedeniya RAN. (In Russ.).
- Loshkarev, I. D. 2017. Resursy vliyaniya polskoy diaspory v SShA na amerikanskuyu vneshnyuyu politiku. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 3 (54): 238—248. (In Russ.).
- Morozov, V. M. 2012. Izrail i sredizemnomorskaya bezopasnost'. *Mezhdunarodnyye protsessy*, 10/30: 91—97. (In Russ.).

- Parenkov, D. A. 2016. Sokhranyay i vlastvuy: konservatizm v XXII veke. In: *Mir cherez 100 let: sbornik statey*. Moskva: Ves' Mir. (In Russ.).
- Shchennikov, V. F. 2004. Osobennosti sovremennogo etapa razvitiya geopoliticheskoy situatsii na Blizhnem Vostoke. In: *Analiticheskiye zapiski. Problemy Blizhnego Vostoka*. Moskva: IVRAN. (In Russ.).
- Young, M. 2006. Syria and Iran: The Perils of a Radical Bond. In: *Ideas in Action with Jim Glassman, 24 January*. Available at: http://www.ideasinactiontv.com/tcs_daily/2006/01/syria-and-iran-the-perils-of-a-radical-bond.html.
- Zonova, T., Reinhardt, R. 2014. Main Vectors of Russia's Foreign Policy (1991—2014). *Rivista di studi politici internazionali*, 87/4: 501—516.